

Мунира Вагина

ФОРМУЛА ЖЕЛАНИЙ

18+

Мунира Вагина

Формула желания

<https://litres.ru/74478889>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три студентки-химика находят то, что кажется невозможным: состав, способный усиливать человеческое влечение. Сначала это всего лишь дерзкий эксперимент — немного риска, немного игры и слишком много любопытства. Алиса видит в открытии путь в большую науку, Лера — шанс получить красивую жизнь, Соня единственная боится последствий.

Но формула не создаёт любовь. Она усиливает то, что уже живёт внутри человека: нежность превращает в привязанность, ревность — в одержимость, страх — в опасность. После смерти влиятельного бизнесмена девушки понимают, что их секрет давно вышел за стены университетской лаборатории. Кто-то украл образец, изменил состав и начал собственный эксперимент.

Теперь за ними следят, профессор исчезает, полиция задаёт всё более опасные вопросы, а человек из прошлого предлагает Алисе то, о чём она мечтала, — лабораторию, деньги и полную свободу.

Но как отличить настоящее чувство от химии, если однажды ты уже вмешалась в чужое сердце?

Содержание

Глава 1. Комната №417	4
Глава 2. Побочный эффект	21
Глава 3. Ночная лаборатория	30
Глава 4. Первый мужчина	45
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Формула желания

Глава 1. Комната №417

Комната №417 была сегодня центром притяжения.

Там было жарко, душно и тесно. На подоконнике стояли пластиковые стаканы с вином, на столе между учебниками по физической химии лежала раскрытая пачка сигарет, рядом — тарелка с нарезанными яблоками, к которым никто не притрагивался. Колонка на шкафу играла громче, чем позволяли правила общежития, и всякий раз, когда в коридоре слышались шаги дежурной, кто-нибудь бросался к двери и делал музыку тише.

Алиса Ломоносова сидела на краю кровати, поджав одну ногу под себя, и наблюдала за тем, как Лера Менделева спорит с высоким третьекурсником по имени Егор.

— Ты просто боишься умных женщин, — сказала Лера, отпивая вино.

— Я боюсь только женщин, которые уверены, что умнее меня.

— Это почти одно и то же.

Кто-то засмеялся.

Егор хотел ответить, но Лера уже отвернулась от него, будто спор был окончен не потому, что иссякли аргументы, а потому, что ей стало скучно.

Она умела так делать. В любой компании быстро становилась центром внимания, а через полчаса начинала тяготиться тем самым вниманием, которого добивалась. У Леры были густые светлые волосы, тонкие запястья и привычка смотреть мужчине прямо в глаза на секунду дольше, чем требовала вежливость. Она прекрасно знала, какое впечатление производит, и относилась к этому как к таланту, которым глупо не пользоваться.

Соня Берг сидела за письменным столом, отодвинув к стене конспекты. Перед ней стоял стакан с минералкой. Она почти не пила и курила только тогда, когда сильно нервничала, а нервничала она сегодня не из-за вечеринки, а из-за завтрашнего коллоквиума.

— Вы вообще понимаете, что завтра в девять у нас Громов? — спросила она.

— Соня, — простонала Лера, — пожалуйста. Хотя бы сегодня не произноси эту фамилию.

— Завтра ты сама её будешь произносить. Возможно, со слезами.

— Завтра будет завтра.

Алиса улыбнулась.

Именно поэтому они и уживались втроём: Лера жила сегодняшним вечером, Соня — завтрашним утром, а Алиса всё время думала о том, что будет через год, пять, десять лет.

Ей нравилось представлять будущее не как мечту, а как задачу. Если что-то существует — значит, к нему есть путь.

Если путь неизвестен — значит, его можно вычислить.

В двадцать один год Алиса уже твёрдо знала две вещи: она не хочет жить бедно и не хочет зависеть от человека, который будет давать ей деньги. Второе казалось ей даже важнее первого.

Она выросла в маленьком городе, где мать работала бухгалтером, отец много лет пытался запустить то один, то другой бизнес, а разговоры о деньгах всегда заканчивались одинаково: «Сейчас не время», «Давай в следующем месяце», «Это слишком дорого». Алиса ненавидела эти фразы. Они въелись в память сильнее, чем детские праздники.

Поэтому химический факультет она выбрала не из романтики науки. Ей нравилась сама возможность превращения: соединить два вещества — получить третье, совсем иное; изменить температуру — изменить результат; добавить ничтожное количество компонента — и вся система уже ведёт себя по-другому.

Люди, думала Алиса, устроены не слишком иначе.

— Алиса! — Лера щёлкнула пальцами перед её лицом. — Ты опять где-то не здесь.

— Я слушаю.

— Нет, ты анализируешь. Это хуже.

— Кого на этот раз?

— Всех.

Лера плюхнулась рядом и тихо добавила:

— Особенно мужчин.

В комнате осталось человек восемь. Егор с другом спорили у окна, две девушки с соседнего этажа танцевали между кроватями, стараясь не наступить на кроссовки, кто-то искал зажигалку.

Лера кивнула в сторону парней.

— Посмотри на них.

— Смотрю.

— И что ты видишь?

— Будущих инженеров, технологов и одного человека, который завтра не вспомнит половину вечера.

— Я серьёзно.

Алиса посмотрела внимательнее.

Егор был красив той слегка недоделанной красотой, которая часто бывает у молодых мужчин: широкие плечи, тёмные волосы, самоуверенная улыбка и полное отсутствие представления о том, кем он будет через пять лет. Его приятель Антон уже третий месяц занимал у всех деньги до стипендии, но каждый раз на вечеринку приносил самую дорогую бутылку из ближайшего магазина.

— Обычные мальчики, — сказала Алиса.

— Вот именно. Мальчики.

Соня подняла голову.

— А тебе кто нужен? Шейх?

— Мне нужен взрослый мужчина.

— С ипотекой?

— С возможностями.

— Это одно и то же, — заметила Соня.

Лера рассмеялась, но быстро снова стала серьёзной.

— Нет, правда. Мы учимся, пашем в лабораториях, считаем мелочь до стипендии, пьём вино за триста рублей и радуемся, когда кто-то вызывает нам такси. А где-то в этом же городе мужчины ужинают на сумму нашей месячной стипендии и считают это обычным вечером.

— И что? — спросила Соня.

— А ничего. Мне просто интересно, почему у них одна жизнь, а у нас другая.

— Потому что им сорок, а нам двадцать один.

— Не всем сорок. Есть и тридцать пять.

— Спасибо, это многое меняет.

Алиса слушала их вполуха. Слова Леры попадали туда, где у неё самой давно сидело раздражение. Не зависть — она не любила это слово. Скорее ощущение несправедливой случайности. Кто-то рождается в семье, где автомобиль получают на восемнадцатилетие, а кто-то четыре года копит на ноутбук. Кто-то входит в дорогой ресторан, не открывая меню справа налево, а кто-то заранее смотрит цены в интернете.

В школе Алиса однажды услышала от одноклассницы фразу: «Деньги — это энергия». Тогда она сочла её глупой. Сейчас думала иначе. Деньги были не энергией. Они были доступом. К пространствам, людям, времени, свободе, ошибкам.

И особенно — к праву не просить.

— А взрослые мужчины смотрят на нас как на детей,
— продолжала Лера. — В лучшем случае как на симпатичных студенток, которых можно угостить коктейлем и забыть утром.

— Возможно, потому что мы и есть студентки, — сказала Соня.

— Вот это меня и раздражает.

— Ты хочешь, чтобы тебя принимали за академика?

— Я хочу, чтобы меня воспринимали всерьёз.

Соня посмотрела на короткое чёрное платье Леры.

— Начни с одежды.

— Берг, у тебя отвратительный характер.

— Зато стабильный.

Они рассмеялись.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошёл Никита с четвёртого курса. Он принёс ещё одну бутылку вина и победно поднял её над головой.

— Девушки, спасение пришло.

— Если это опять полусладкое, можешь уходить, — сказала Лера.

— Франция.

— За четыреста рублей?

— Франция тоже бывает бедной.

Через несколько минут музыка снова стала громче. Никита потащил Леру танцевать. Она сопротивлялась ровно столько, сколько требовалось, чтобы это выглядело как вы-

бор, а не ожидание.

Алиса подошла к окну.

За стеклом город жил своей огромной, равнодушной жизнью. За корпусами университета горели огни проспекта, проезжали машины, вдали мерцали высотки. Где-то там сейчас шли закрытые вечеринки, деловые ужины, встречи людей, которым утром не нужно считать баллы за контрольную.

— Ты тоже об этом думаешь? — спросила Соня.

Она подошла незаметно.

— О чём?

— О том, что Лера иногда говорит глупости, но в них неприятно много правды.

Алиса усмехнулась.

— Возможно.

— Только не говори ей.

— Никогда.

Соня прислонилась плечом к стене.

— Мне иногда кажется, что ты всё время куда-то торопишься.

— Куда?

— Из этой жизни.

Алиса посмотрела на неё.

— А ты не хочешь?

— Я хочу нормальную работу. Свою квартиру. Чтобы мне нравился человек рядом. И чтобы я не считала деньги перед кассой.

— Уже много.

— А тебе мало?

Алиса чуть помолчала.

— Мне мало, если всё это зависит от того, понравлюсь ли я кому-то, возьмут ли меня куда-то, дадут ли грант, повысят ли зарплату. Я хочу что-то своё.

— Лабораторию?

— Может быть.

— Фирму?

— Может быть.

— Нобелевскую премию?

— Обязательно.

Соня улыбнулась.

— Вот теперь узнаю Ломоносову.

Их разговор оборвал громкий смех. Егор пытался доказать Лере, что женщина влюбляется быстрее мужчины.

— Это физиология, — объявил он с видом человека, который только что сформулировал закон природы.

— Какая именно? — спросила Алиса, не отходя от окна.

Он повернулся.

— Женская.

— Сильный аргумент.

Все снова засмеялись.

Егор смутился, но отступать не собирался.

— У вас гормоны по-другому работают.

— А у тебя как?

— Нормально.

— Видно.

Лера подняла стакан.

— За мужскую физиологию. Самую неизученную область науки.

— Между прочим, — вмешалась Соня, — поведение человека действительно можно менять химически.

Алиса повернулась к ней.

— В каком смысле?

— В прямом. Нейромедиаторы, гормоны, запахи, стимуляторы. Всё влияет на настроение, привязанность, возбуждение, тревогу.

— Но не на любовь, — сказал Никита.

— А любовь что, по-твоему, из другого материала сделана?

— Из души.

— Как химик, я сейчас оскорблена.

Кто-то зааплодировал.

Алиса продолжала смотреть на Соню.

Та уже отвлеклась и что-то объясняла Никите, но мысль зацепилась.

Поведение можно менять химически.

Конечно, они знали это с первого курса. Любое настроение сопровождалось химическими процессами. Страх, возбуждение, удовольствие, привязанность — в организме не существовало ничего совершенно отделённого от вещества.

Но одно дело знать это как учебный факт, другое — представить себе результат.

Что, если можно не просто успокоить человека или вызвать сонливость?

Что, если можно усилить внимание?

Интерес?

Привязанность?

Алиса почувствовала тот знакомый внутренний щелчок, который всегда возникал перед хорошей задачей.

Она пока не знала, что именно думает. Мысль была слишком сырой, почти смешной.

Но ей уже хотелось покрутить её в руках.

К двум часам ночи вечеринка начала распадаться. Соседки ушли первыми. Никита вспомнил, что утром ему сдавать отчёт. Егор долго стоял у двери, пытаясь уговорить Леру выйти с ним покурить, но она устала от него раньше, чем закончился вечер.

— Напишу тебе, — сказал он.

— Лучше отчёт напиши.

— Ты всегда такая?

— Какая?

— Как будто тебе никто не нужен.

Лера на секунду замолчала.

Потом улыбнулась.

— Это потому, что мне никто не нужен.

Егор ушёл.

Дверь закрылась.

Несколько секунд в комнате было непривычно тихо.

Потом Соня сказала:

— Врёшь.

— Что?

— Тебе нужен кто-нибудь. Просто не он.

Лера сняла серьги и бросила их на стол.

— Мне надоели мальчики, которые приглашают на кофе и полвечера рассказывают, какой у них будет бизнес после института.

— А что тебе нужно?

— Чтобы мужчина уже что-то мог. Сейчас. Не когда-нибудь.

Она села на кровать и стала стягивать туфли.

— Хочу однажды выйти из ресторана и не думать, сколько стоит счёт. Хочу сесть в красивую машину, а не проверять, приехал ли эконо́м. Хочу улететь на выходные в другой город, потому что захотелось, а не потому что билет по акции.

Соня аккуратно собирала стаканы.

— И для этого тебе нужен мужчина?

— Пока у меня нет нефтяной компании — да.

— Очень независимая позиция.

— Не начинай.

Лера посмотрела на Алису.

— Вот скажи. Разве ты никогда не думала, что некоторые женщины получают от жизни всё просто потому, что муж-

чина от них без ума?

— Думала.

Соня замерла со стаканами в руках.

— Предательница.

— Я не сказала, что это хорошо. Я сказала, что думала.

Лера оживилась.

— Вот! Представь: ты нравишься человеку настолько, что он сам хочет тебе всё дать.

— Это называется влюблённость, — сказала Соня.

— Отлично. Значит, мне нужна влюблённость.

— Её нельзя заказать.

— Почему?

— Потому что это чувство.

Алиса вдруг рассмеялась.

Обе посмотрели на неё.

— Что?

Она покачала головой.

— Ничего.

— Нет, говори.

Алиса подняла с подоконника пустой стакан и посмотрела на каплю вина на дне.

— Просто смешно. Мы пять дней в неделю изучаем вещества, которые меняют свойства друг друга. Меняем скорость реакции, кислотность, температуру, структуру. А потом говорим о человеке так, будто внутри него происходит волшебство.

Соня нахмурилась.

— И?

— И ничего.

— Ломоносова, я знаю это лицо.

— Какое?

— Когда у тебя появляется идея, от которой потом у всех проблемы.

Лера уже улыбалась.

— Какая идея?

Алиса поставила стакан на стол.

Она сама ещё не воспринимала слова всерьёз. Это была игра, пьяноватая интеллектуальная провокация, одна из тех ночных мыслей, которые утром кажутся глупостью.

— Если мужчина не влюбляется сам, — сказала она, — значит, надо изменить условия реакции.

Лера прищурилась.

— Это как?

— Не знаю.

— Врёшь. Уже знаешь.

— Нет. Но теоретически эмоция тоже зависит от химии.

Соня поставила стаканы на стол чуть резче, чем собиралась.

— Только не говори, что хочешь сделать приворотное зелье.

Лера замерла.

Потом медленно повернулась к Алисе.

— Подожди.

Алиса увидела, как в её глазах загорается интерес, и сразу пожалела, что вообще открыла рот.

— Я ничего не хочу делать.

— А можно?

— Нет.

— Ты только что сказала, что можно.

— Я сказала, что поведение связано с химией. Это не одно и то же.

— Но что-нибудь, что усиливает симпатию?

— Лера.

— Влечение?

— Лера.

— Чтобы мужчина смотрел только на тебя?

Соня устало закрыла глаза.

— Всё. Я спать.

Но Лера уже не слышала.

Она встала босиком на холодный линолеум и подошла к Алисе.

— Представь.

— Я не хочу представлять.

— А я хочу.

— Конечно.

Лера заговорила тише:

— Мы знакомимся с каким-нибудь богатым мужчиной. Не стариком. Нормальным. Красивым. Умным. Он сначала

просто смотрит, потом вдруг понимает, что жить без тебя не может...

— Звучит как психическое заболевание.

— ...дарит тебе квартиру...

— Тем более.

— ...машину...

— Менделева.

— ...и всё это потому, что ты капнула ему две капли чего-то в бокал.

Несколько секунд они молчали.

Потом Соня, уже укладываясь под одеяло, сказала:

— И через двадцать лет это используют спецслужбы, корпорации и секты. Поздравляю, вы уничтожили человечество.

Лера засмеялась.

Алиса тоже.

Но не так искренне.

Потому что у неё в голове уже одна за другой всплывали знакомые названия веществ, статьи, которые она читала, лабораторные работы, реакции рецепторов, влияние запахов на восприятие.

Она сказала себе, что это просто профессиональная привычка.

Химик слышит задачу — химик ищет решение.

Только и всего.

— Всё, — сказала она. — Закрыли тему.

— До завтра, — ответила Лера.

— Навсегда.

— До завтра.

Соня погасила верхний свет.

Комната утонула в темноте, только через щель между шторами падал оранжевый свет фонаря.

Через несколько минут Лера уже листала телефон под одеялом. Соня почти сразу заснула.

Алиса лежала на спине и смотрела в потолок.

Она вспоминала завтрашнюю лабораторную работу у профессора Громова.

Вспоминала шкаф с экспериментальными реактивами, к которому студентам разрешали подходить только под контролем преподавателя.

Вспоминала недавнюю лекцию о соединениях, влияющих на чувствительность рецепторов.

Потом рассердилась на себя, повернулась на бок и закрыла глаза.

«Глупость», — подумала она.

Через минуту открыла глаза снова.

На соседней кровати тихо светился экран Лериного телефона.

— Ты спишь? — шёпотом спросила Лера.

— Теперь уже нет.

— Я подумала.

— Это опасно.

— Если когда-нибудь сделаешь эту штуку, первую дозу

проверяем на очень богатом.

Алиса бросила в её сторону подушку.

Лера беззвучно рассмеялась.

Через стену кто-то опять включил музыку.

Алиса закрыла глаза.

Но теперь перед ней был не потолок комнаты №417.

Она ясно видела лабораторный стол, стеклянные колбы и прозрачную жидкость, в которой медленно растворялась одна-единственная капля.

А ещё — совершенно невозможную формулу, которой пока не существовало.

И именно поэтому ей страшно захотелось её найти.

Глава 2. Побочный эффект

Утро после вечеринки началось для Алисы Ломоносовой с запаха растворимого кофе, которым Лера Менделеева пыталась изгнать из комнаты последствия ночного веселья. За окном общежития висел тяжелый серый свет, в коридоре кто-то ругался из-за занятой душевой, а Соня Берг сидела на краю кровати с учебником физической химии и таким выражением лица, будто накануне ни музыки, ни танцев, ни двух часов сна вообще не существовало.

— Если ты сейчас скажешь, что читала до утра, я перестану с тобой разговаривать, — пробормотала Лера, не открывая глаз. Она держала кружку обеими руками и время от времени вдыхала кофе, как лекарство. — Люди придумали воскресенье не для того, чтобы повторять термодинамику.

— Сегодня вторник, — спокойно ответила Соня.

Лера медленно подняла голову. Алиса засмеялась. На несколько секунд комната снова стала такой же, как вчера ночью: тесной, теплой, нелепой и своей. Но уже через сорок минут трое, торопясь и перебивая друг друга, спускались по лестнице общежития. У Алисы в сумке гремели стеклянные очки, тетрадь и пенал, который она не закрыла как следует. На первой паре их ждал лабораторный практикум профессора Громова — единственный предмет, на который Алиса не позволяла себе опаздывать даже после самых безрассуд-

ных ночей.

Химический корпус всегда действовал на нее успокаивающе. Здесь пахло не жизнью, а порядком: спиртом, пластиком, холодным металлом вытяжных шкафов и едва различимой горечью реактивов. В коридорах можно было ругаться, влюбляться, ревновать, обещать и передумывать, но внутри лаборатории вещество не обманывало. Если реакция шла — она шла. Если нет — никакими красивыми словами ее было не уговорить.

Профессор Виктор Андреевич Громов уже стоял у демонстрационного стола. Высокий, сухощавый, с серебристой проседью на висках, он говорил негромко, и потому студенты возле него почему-то всегда замолкали сами. Сегодня рядом с ним находился незнакомый Алисе контейнер из темного стекла и несколько маленьких ампул без привычных учебных этикеток.

— Сегодня часть группы будет работать не по стандартной методичке, — сказал Громов, оглядывая аудиторию поверх очков. — Это вспомогательная серия для кафедрального исследования. Ничего героического. Точность, чистота, журналирование каждого действия. И, пожалуйста, не пытайтесь проявлять творческую инициативу там, где вас о ней не просили.

Последняя фраза явно предназначалась Алисе. Лера толкнула ее локтем. Соня едва заметно улыбнулась.

Громов распределил студентов по столам. Алисе доста-

лась работа с аспирантом Кириллом Савичевым — молодым человеком с аккуратно подстриженной бородой и привычкой разговаривать со студентами так, будто они неизменно мешали ему совершить научный прорыв. Он поставил перед Алисой штатив и две ампулы.

— Номер семь и номер девять. Не перепутать. Объем — по протоколу. Температура — по протоколу. Никаких собственных идей, Ломоносова.

— У вас сегодня с профессором общий текст? — спросила Алиса.

Кирилл посмотрел на нее без улыбки.

— У нас общий опыт общения с тобой.

Работа была скучнее, чем Алиса ожидала. Нужно было подготовить серию микроскопических растворов, измерить изменение оптической плотности и внести показатели в таблицу. Судя по обозначениям, один из компонентов относился к группе ароматических соединений, второй — к экспериментальной смеси, происхождение которой в протоколе не раскрывалось. Это раздражало. Алиса терпеть не могла работать с веществом, о котором ей не позволяли знать достаточно.

— Что в девятой ампуле? — спросила она через несколько минут.

— То, что тебе не нужно для выполнения задания.

— Очень научный ответ.

— Самый полезный для человека, который любит зада-

вать лишние вопросы.

Кирилл наклонился, чтобы проверить шкалу дозатора, и в этот момент Алиса заметила, что на внешней стороне перчатки у него блеснула маленькая капля. Возможно, наконечник пипетки коснулся латекса. Кирилл машинально потер большой палец об указательный и продолжил работу, не придав этому значения.

— Перчатку поменяй, — сказала Алиса.

— Зачем?

— У тебя девятая на руке.

Он мельком посмотрел.

— Следов нет.

— Я видела.

— Ломоносова, работай.

Алиса пожалала плечами. По правилам он был неправ, но спорить при Громеке ей не хотелось. Она вернулась к измерениям и минут десять почти не обращала на Кирилла внимания. Потом заметила странность.

Савичев перестал раздражаться.

Сначала это было почти незаметно. Он сам подвинул к Алисе журнал, чтобы ей было удобнее записывать результаты. Потом принес новый наконечник, хотя обычно требовал, чтобы студенты вставляли за расходниками сами. Еще через несколько минут наклонился к экрану спектрофотометра и неожиданно сказал:

— У тебя хороший глаз. Большинство не заметило бы та-

кой погрешности.

Алиса подняла брови.

— Ты меня сейчас похвалил?

Кирилл тоже будто удивился собственным словам.

— Констатировал факт.

— Запишу дату.

Он усмехнулся. Настояще, без привычной сухости. Алиса снова посмотрела на его перчатку. Капля давно высохла или стерлась, но мысль уже зацепилась за сознание.

К концу занятия Кирилл говорил заметно больше обычного. Рассказал, что кафедра уже третий месяц проверяет серию веществ, связанных с обонятельными рецепторами и эмоциональной реактивностью. Тут же осекся и попросил Алису забыть последнюю фразу.

— Почему? — спросила она.

— Потому что я не должен был это обсуждать.

— Но обсудил.

— Видимо, не выспался.

Он сказал это легко, но Алиса увидела, как изменилось его лицо. Будто человек внезапно услышал самого себя со стороны.

Громов появился рядом почти бесшумно.

— Что у вас?

— Ничего, Виктор Андреевич, — слишком быстро ответил Кирилл.

Профессор перевел взгляд на Алису, потом на ампулы,

затем на журнал. Его внимание задержалось на девятой ампуле дольше, чем требовалось.

— Закончили — сдайте материалы и вымойте рабочую поверхность дважды.

— Там что-то опасное? — спросила Алиса.

— Любое вещество опасно, если человек решает, что знает о нем больше, чем знает на самом деле.

— Это про химию или про жизнь?

— Для вас, Ломоносова, желательно про обе.

После занятия Кирилл догнал ее уже в коридоре. Лера и Соня ушли вперед к лестнице. Алиса обернулась, ожидая очередного замечания, но аспирант протянул ей ручку, которую она оставила возле журнала.

— Ты забыла.

— Спасибо.

Он не уходил.

— Ты сегодня вечером свободна?

Алиса несколько секунд смотрела на него, не понимая вопроса.

— В каком смысле?

Кирилл смутился — еще одна вещь, которой она никогда раньше за ним не замечала.

— Можно кофе выпить. Я хотел спросить, не думаешь ли ты потом идти в исследовательскую группу. У тебя действительно есть способности.

Алиса машинально посмотрела в сторону аудитории.

Сквозь стеклянную вставку двери она видела Громова, который убирал темный контейнер в металлический шкаф.

— Кирилл, ты последние полгода разговаривал со мной исключительно как с источником лабораторных нарушений.

— Возможно, был несправедлив.

— А сегодня внезапно решил пригласить меня на кофе?

Он провел ладонью по затылку. Его уверенность словно исчезла.

— Забудь. Глупость.

Он быстро ушел.

На лестнице ее ждала Соня.

— Что ему было нужно?

— Предложил кофе.

Соня остановилась.

— Савичев?

— Именно.

Лера, уже спустившаяся на пролет ниже, развернулась.

— Тот самый Савичев, который однажды сказал, что Алиса способна нарушить технику безопасности одним взглядом?

— Тот самый.

— А я говорила, что бородатые самые неустойчивые.

Соня ее не слушала.

— Что произошло в лаборатории?

Алиса рассказала про каплю. Без выводов, только факты. Соня нахмурилась.

— Через перчатку?

— Возможно, потом коснулся кожи. Я не видела.

— И ты думаешь, вещество повлияло на поведение?

— Я пока ничего не думаю.

— Ты всегда так говоришь за пять минут до того, как начинаешь думать особенно активно.

Лера рассмеялась.

— Подождите. Вы хотите сказать, что в нашем институте существует жидкость, после которой самый неприятный мужчина факультета приглашает Алису на свидание?

— На кофе, — поправила Соня.

— Это и есть свидание для химиков.

Алиса ничего не ответила. В голове уже складывались слишком простые объяснения. Усталость. Случайность. Хорошее настроение. Кирилл действительно мог изменить мнение о ней задолго до сегодняшнего дня. Человек не обязан оставаться одинаковым только ради удобства чужой логики.

Но оставалась девятая ампула.

И то, как Громов посмотрел на нее.

На лекции Алиса почти не слышала преподавателя. Она открыла тетрадь на чистой странице и записала несколько слов: «№ 9. Ароматическое соединение? Рецепторы. Эмоциональная реактивность. Контакт с кожей?» Ниже поставила время начала практикума и приблизительное время, когда изменилось поведение Кирилла.

Соня заметила записи.

— Даже не начинай.

— Я ничего не начинаю.

— Алиса.

— Я просто записываю наблюдение.

— Ты никогда просто не записываешь наблюдения.

Лера вытянула шею из-за соседнего стола.

— Если вы что-то изобретете без меня, я обижусь.

Соня закрыла глаза.

— Вот именно поэтому я и беспокоюсь.

Вечером Алиса вернулась в комнату раньше подруг. За окном темнело, в соседней комнате кто-то включил музыку, по батарее прошел металлический стук. Она достала тетрадь и снова открыла страницу с номером девять.

Никаких доказательств не было.

Только капля на перчатке. Несколько непривычных фраз.
Приглашение на кофе.

Слишком мало для вывода.

Достаточно для вопроса.

Алиса долго смотрела на собственную запись, затем медленно добавила внизу одну строку:

«Повторить наблюдение».

Она подчеркнула ее один раз.

Потом второй.

И только после этого поняла, что улыбается.

Глава 3. Ночная лаборатория

К девяти вечера химический корпус становился почти неузнаваемым. Днем он гудел голосами, хлопанием дверей, стуком каблуков по лестницам и вечным шипением вытяжек, а теперь длинные коридоры лежали в холодном свете дежурных ламп и казались глубже, чем были на самом деле. Даже знакомые двери лабораторий выглядели чужими, будто за несколько часов успели забыть студентов, которые весь день входили и выходили из них.

Алиса Ломоносова стояла у бокового входа, сунув руки в карманы куртки, и уже третий раз смотрела на часы.

— Если она не придет через две минуты, мы уходим, — сказала Соня Берг.

— Ты говоришь это последние десять минут.

— Потому что последние десять минут я надеюсь, что ты одумаешься.

Алиса улыбнулась, но ответить не успела. Из-за угла появилась Лера Менделеева. На ней были короткая черная куртка, джинсы и совершенно не подходящие для ночного проношения в университет белые кроссовки. В одной руке она держала бумажный пакет, в другой — три стакана кофе.

— Я знала, что преступная жизнь требует подготовки, — сказала она вместо приветствия. — Поэтому принесла кофе и круассаны.

Соня посмотрела на пакет, потом на Леру.

— Мы не совершаем преступление.

— Тем более. Тогда это просто поздний лабораторный практикум с французской выпечкой.

Алиса взяла стакан и сделала глоток. Кофе был слишком горячим и слишком сладким, но сейчас ей нравилось даже это. Весь день она думала только о вчерашней реакции — о том, как Кирилл Савичев сначала разговаривал с ней сухо и раздраженно, а через несколько минут вдруг стал почти доверительным, будто между ними исчезла невидимая перегородка. Можно было списать все на совпадение. На настроение. На усталость. На то, что она сама искала закономерность там, где ее не было.

Но Алиса слишком хорошо знала себя. Пока явление не повторено, оно не существует. И именно поэтому она была здесь.

— Еще раз, — сказала Соня тихо. — Мы не знаем, что именно произошло. Мы не знаем, был ли эффект связан с веществом. И мы точно не знаем, что будет, если ты попытаешься воспроизвести реакцию без Громова.

— Поэтому мы и не будем делать ничего сложного.

— Это фраза, после которой обычно начинается все сложное.

Лера подала Соне кофе.

— Выпей. Ты слишком трезво смотришь на жизнь.

— Кто-то из нас должен.

Войти в корпус оказалось проще, чем предполагала Соня. У Алисы оставался временный пропуск, который Громов оформил группе для вечерней серии экспериментов на прошлой неделе. Формально он действовал до десяти. Формально студентам полагалось находиться внутри только в присутствии преподавателя. Алиса решила, что второе слово можно пока не произносить вслух.

Охранник у турникета даже не поднял головы. Телевизор у него на столе показывал футбольный матч, и сейчас судьба команды интересовала его гораздо больше трех студенток.

— Вот так рушатся системы безопасности, — прошептала Лера, когда они поднялись на второй этаж. — Не из-за гениев преступного мира. Из-за футбола.

— Тише, — сказала Соня.

Они прошли по коридору. Кабинет Громова был закрыт. За дверью кафедры не горел свет. В дальней лаборатории работала вытяжка — низко, ровно, почти как дыхание спящего человека.

Алиса остановилась перед дверью учебной лаборатории и достала связку ключей.

Соня замерла.

— Откуда?

— Не драматизируй.

— Алиса. Откуда у тебя ключ?

— Не ключ. Дубликат от шкафчика с расходниками. А дверь сегодня не закрыли на внутренний замок.

Лера посмотрела на нее с уважением.

— Ты пугающе подготовленная женщина.

— Я просто наблюдательная.

— Это и пугает.

Дверь открылась после короткого щелчка.

Внутри пахло спиртом, стеклом и чем-то металлическим.

Алиса включила только лампы над двумя рабочими столами. Белый свет выхватил из темноты штативы, пипетки, коробки с перчатками и ряды подписанных банок. Все остальное осталось в полумраке.

Лера поставила пакет с круассанами на край стола.

— Скажи честно, — прошептала она, — тебе самой сейчас не страшно?

— Нет.

— Врешь.

Алиса натянула перчатки.

— Мне интересно.

И это было точнее.

Страх она чувствовала, но он не останавливал, а наоборот, делал каждую деталь резче. Она помнила соотношения веществ, температуру, порядок добавления, даже небольшое отклонение в объеме, которое допустила накануне. Вчера это выглядело как небрежность. Сегодня именно оно могло оказаться главным.

Соня сняла куртку и повесила ее на спинку стула.

— Хорошо. Если уж вы обе окончательно сошли с ума, я

хотя бы прослежу, чтобы вы не взорвали корпус.

— Вот за это мы тебя и любим, — сказала Лера.

— Не впутывай любовь в лабораторию.

Алиса взглянула на нее.

— А почему нет?

Соня не ответила.

Они начали с самого простого. Алиса восстановила состав по памяти, Соня проверяла каждую величину и записывала ее в обычную студенческую тетрадь, не используя официальные журналы. Лера сначала стояла рядом, потом заскучала, потом попыталась помочь и была немедленно отстранена от пипетки после того, как дважды перепутала маркировку пробирок.

— Я отвечаю за концепцию, — заявила она.

— Ты отвечаешь за то, чтобы ничего не трогать, — сказала Соня.

— Унижаете гуманитарную часть химического проекта.

— Ты учишься на химическом факультете.

— Формально.

Алиса почти не слушала их. Она смотрела, как прозрачные жидкости соединяются в маленькой пробирке. Никакой красивой реакции не происходило. Не было ни вспышки, ни изменения цвета, ни осадка. Только жидкость чуть дрогнула от перемешивания и снова стала неподвижной.

— И? — спросила Лера.

— Ничего.

— Великолепно. Мы незаконно проникли в лабораторию ради воды.

— Это не вода.

Алиса поднесла пробирку к свету.

Вчера перед странной переменой в поведении Кирилла был запах. Очень слабый. Она тогда решила, что пахнут реактивы или чей-то парфюм. Сейчас запаха почти не было.

— Не то, — сказала она.

Соня нахмурилась.

— Что именно не то?

— Вчера был другой порядок.

— Ты сама сказала, что делала по протоколу.

— Почти.

Соня медленно сняла очки.

— Что значит «почти»?

Алиса повернулась к ней.

— Я сначала добавила девятый раствор, потом седьмой. Савичев меня отвлек. Потом я поняла, что перепутала, и скорректировала объем.

— И ты не внесла это в журнал?

— Не успела. Громов подошел.

— Алиса!

— Если бы я внесла, Савичев заставил бы все переделать. А эффект уже появился.

Соня несколько секунд смотрела на нее так, словно выбирала между желанием уйти и желанием задушить подругу

собственными руками.

— Наука держится на том, что люди записывают ошибки,
— сказала она наконец. — Иногда особенно ошибки.

— Поэтому я их помню.

— Память — не протокол.

— Сегодня будет протокол.

Лера подняла палец.

— Я предлагаю назвать его «протоколом любви».

— Я предлагаю тебе замолчать, — ответила Соня.

Вторую серию Алиса делала медленнее. Она поменяла порядок компонентов и оставила смесь на водяной бане чуть дольше, чем требовала вчерашняя методика. Потом добавила микроскопическую долю ароматического стабилизатора из учебного набора — не потому, что ожидала от него эффекта, а потому, что пыталась воспроизвести запах.

Соня увидела это и резко подняла голову.

— Зачем?

— Вчера рядом стоял флакон с ним. Я не уверена, что не задела пипеткой край.

— То есть теперь мы воспроизводим не эксперимент, а твою последовательность случайностей?

— Иногда открытие и есть последовательность случайностей, которую кто-то заметил.

Соня хотела возразить, но Алиса уже перемешивала раствор.

И тогда запах появился.

Слабый, почти неуловимый. Не сладкий и не цветочный. Скорее теплый. В нем было что-то похожее на сухую траву, цитрусовую корку и едва различимую горечь.

Лера перестала улыбаться.

— Вот это было вчера?

Алиса приблизила пробирку, но Соня сразу отвела ее руку.

— Не нюхай непосредственно.

— Да знаю я.

— Вчера тоже знала.

Алиса осторожно направила ладонью воздух над пробиркой к себе. Запах исчез почти сразу.

Но внутри возникло странное ощущение узнавания.

— Похоже, — сказала она.

Лера обошла стол.

— И что теперь?

Вот этого Алиса не знала.

До этой минуты все имело понятную цель: воспроизвести смесь. Но если смесь действительно получилась, следующий шаг требовал уже не химии.

Требовался человек.

Соня, будто прочитав ее мысль, сказала:

— Нет.

— Я ничего не сказала.

— Потому что я тебя знаю.

Лера оперлась ладонями о стол.

— Подождите. Если мы хотим понять, действует это или нет, без человека никак.

— На людях не испытывают неизвестные вещества в общении между кофе и круассаном.

— Мы и не в общении.

Соня посмотрела на нее так, что Лера подняла руки.

— Хорошо. Это была плохая шутка.

Алиса поставила пробирку в штатив.

— Сегодня никто ничего пробовать не будет.

Соня явно не ожидала услышать это.

— Правда?

— Правда. Сначала проверим, стабилен ли состав.

— И потом?

— Потом решим.

Соня покачала головой.

— Нет, Алиса. Вот именно сейчас надо решить.

В лаборатории стало тихо. Где-то в коридоре щелкнула дверь, и все трое одновременно повернули головы.

Шагов не последовало.

Соня продолжила уже тише:

— Ты понимаешь, что мы делаем? Это не задание Громова. Мы не знаем токсичность, не знаем дозировку, не знаем механизм. Один человек вчера повел себя иначе — и вы уже готовы назвать это эффектом.

— Никто ничего не называет.

— Лера уже назвала любовью.

— Я образно, — сказала Лера.

— А ты молчишь, потому что сама хочешь верить, что нашла что-то невероятное.

Алиса почувствовала раздражение. Не потому, что Соня была неправа. Хуже — потому что она была права слишком точно.

— А если нашла?

Соня замолчала.

— Если действительно есть соединение, которое влияет на эмоциональную реакцию? — продолжила Алиса. — Ты предлагаешь выбросить его в раковину и сделать вид, что мы ничего не заметили?

— Я предлагаю рассказать Громову.

— И что будет потом? Он заберет образец, записи, идею. Через полгода мы прочитаем статью с его фамилией на первой странице.

— Это его лаборатория.

— Это моя ошибка дала результат.

— Случайность не становится собственностью только потому, что случилась с тобой.

Алиса отступила от стола.

— Иногда у тебя удивительный талант испортить любой момент.

— А у тебя — превратить любой момент в соревнование. Лера встала между ними.

— Девочки. Давайте хотя бы сначала выясним, из-за чего

ругаемся. Может быть, завтра эта штука превратится в мутную жижу, и вся наша великая научная революция закончится до завтрака.

Соня тяжело выдохнула.

— Хорошо. Храним один образец. Ничего никому не даем. Никуда не выносим. Завтра проверяем состояние и после этого решаем, что делать.

Алиса посмотрела на пробирку.

— Согласна.

— И без самодеятельности.

— Согласна.

Лера улыбнулась.

— Я свидетель. Историческое соглашение трех великих ученых.

Соня снова надела очки.

— Ты пока великий специалист по круассанам.

— Кто-то должен обеспечивать науку калориями.

Напряжение спало, но не исчезло совсем.

Алиса перелила небольшое количество смеси в маленький флакон из темного стекла. На белой этикетке нужно было написать название.

Она остановила ручку над бумагой.

— Номер какой? — спросила Соня.

Алиса хотела написать сухое лабораторное обозначение, но Лера наклонилась через плечо.

— «Любовь №1».

— Нет, — сказала Соня.

— Почему?

— Потому что это идиотизм.

— Именно поэтому название все запомнят.

Лера выхватила ручку и сама вывела на этикетке крупными буквами: «ЛЮБОВЬ №1».

Под названием нарисовала маленькое сердце.

Соня закрыла лицо ладонью.

— Когда нас исключат, я хочу, чтобы в приказе было отдельно указано, что сердце рисовала не я.

Алиса рассмеялась.

Смех прозвучал слишком громко.

И почти сразу за дверью послышались шаги.

На этот раз настоящие.

Медленные.

Приближающиеся.

Лера побледнела.

— Это охрана?

Алиса быстро выключила нагреватель. Соня схватила тетрадь. Флакон остался на столе.

Ручка двери дернулась.

Все трое замерли.

Дверь не открылась.

Снаружи кто-то постоял несколько секунд, затем шаги продолжились дальше по коридору.

Лера прижала ладонь к груди.

— Я постарела лет на пять.

— Тише, — шепнула Соня.

Они дождались, пока звук исчезнет, и только потом начали торопливо приводить лабораторию в порядок. Алиса протирала стол, Соня убирала посуду, Лера собирала стаканы и упаковку от круассанов.

— Флакон, — сказала Соня.

Алиса посмотрела на темное стекло.

По договоренности он должен был остаться здесь.

Она взяла его и открыла шкафчик с расходниками. На верхней полке, за коробкой одноразовых наконечников, было достаточно места, чтобы спрятать маленькую бутылочку.

Алиса поставила ее туда.

Закрыла дверцу.

Но через секунду снова открыла.

— Что? — спросила Соня.

— Ничего.

Алиса переставила флакон глубже.

Когда они вышли из лаборатории, было уже почти одиннадцать. Коридор казался еще темнее. Охранник у входа теперь разговаривал по телефону и даже не посмотрел на девушек.

На улице моросил мелкий дождь.

Лера первой закурила под козырьком и протянула пачку Алисе. Та отказалась.

— Ну что, профессор Ломоносова, — сказала Лера, вы-

пуская дым. — Как назовем сегодняшний вечер? Провалом или началом великого открытия?

— Пока никак.

— Скучная ты.

— Зато завтра не придется объяснять, почему мы заранее придумали Нобелевскую речь.

Соня застегнула куртку до подбородка.

— Завтра мы посмотрим, что стало с образцом. И потом идем к Громову.

Алиса ничего не ответила.

Они пошли к общежитию через мокрый университетский двор. Фонари отражались в асфальте длинными желтыми полосами. Лера рассказывала что-то про знакомого бармена, который обещал провести их на закрытую вечеринку в пятницу. Соня ворчала, что у них в субботу семинар. Голоса подруг смешивались с шумом дождя.

Алиса шла чуть позади.

Перед глазами у нее снова стоял маленький темный флакон с нелепым сердцем на этикетке.

Она знала: Соня права. Надо рассказать Громову. Надо остановиться до того, как любопытство станет чем-то другим.

Но вместе с этой разумной мыслью внутри жила другая, гораздо тише и потому опаснее.

Если состав действительно работал, то сегодня вечером в старом химическом корпусе они получили не просто удач-

ную смесь.

Они получили возможность вмешиваться туда, куда никто из них раньше не мог войти с пробиркой и пипеткой.

В чужое желание.

В чужой выбор.

В чужое «хочу».

На следующее утро Алиса пришла в корпус раньше обеих подруг. Она открыла лабораторный шкафчик и достала спрятанный за коробкой наконечников флакон.

Прозрачная жидкость осталась совершенно чистой. Ни осадка, ни помутнения, ни изменения запаха.

На белой этикетке Лерино сердце выглядело особенно нелепо рядом с крупной надписью: «ЛЮБОВЬ №1».

Алиса несколько секунд держала флакон на ладони, ощущая его прохладное стекло.

Теперь у них был образец.

Оставалось самое трудное — понять, что именно они создали и на что готовы ради ответа.

Глава 4. Первый мужчина

В пятницу общежитие начинало жить другой жизнью уже после шести вечера. Двери комнат открывались чаще, чем закрывались, по коридорам тянулся запах дешёвого парфюма, жареной картошки и сигаретного дыма, а из разных этажей одновременно доносилась музыка — где-то старый русский рок, где-то электронные басы, где-то бесконечно повторявшийся припев модной песни.

В комнате №417 Лера Менделева стояла перед зеркалом и в третий раз меняла серьги.

— Если мы идём на эксперимент, — сказала она, разглядывая себя сбоку, — я должна выглядеть как человек, ради которого мужчина способен потерять разум.

— Мы не идём заставлять кого-либо терять разум, — отозвалась Соня Берг.

Она сидела за столом, положив перед собой раскрытый конспект, хотя последние двадцать минут не прочитала ни одной строки. Рядом стояла кружка давно остывшего чая. Соня всё время поглядывала на маленький тёмный флакон, который лежал перед Алисой.

Алиса Ломоносова держала его между большим и указательным пальцами и смотрела на прозрачную жидкость, собравшуюся у дна. После ночной работы в лаборатории они втроём поклялись, что прежде чем что-либо делать, ещё раз

всё обсудят. За два дня Алиса успела мысленно провести это обсуждение десятки раз — и каждый раз приходила к одному и тому же выводу: без проверки на человеке они так и не узнают, что получили.

— Доза будет минимальная, — сказала она. — Настолько маленькая, что если эффекта не окажется, никто даже не поймёт, что произошло.

Соня медленно подняла глаза.

— А если окажется?

— Тогда будем наблюдать.

— За человеком, который не знает, что участвует в вашем наблюдении.

Лера повернулась от зеркала.

— Сонь, не начинай. Мы выбрали Сергея именно потому, что он сам всех использует. Он меня полгода не замечает, а когда ему нужны конспекты перед зачётом, вдруг вспоминает, как меня зовут.

— Это не аргумент.

— Для меня аргумент.

Речь шла о Сергее Полякове, студенте четвёртого курса, высоком, спортивном и настолько уверенном в собственной привлекательности, что даже обычное «привет» умудрялся произносить как одолжение. Он нравился половине девочек на факультете, прекрасно об этом знал и относился к симпатиям как к естественному ресурсу, вроде горячей воды или бесплатного университетского интернета.

Два месяца назад Лера однажды попыталась с ним флиртовать. Сергей улыбнулся, посмотрел поверх её плеча на другую девушку и через минуту уже разговаривал с ней.

Лера не забыла.

— Значит, объект выбран из научных соображений, — сухо сказала Соня. — Потому что он неприятный.

— Наконец-то ты поняла методологию, — ответила Лера.

Алиса невольно улыбнулась, но тут же снова посмотрела на флакон.

На самом деле ей было не смешно.

Пока состав оставался в лабораторной пробирке, всё происходившее казалось почти интеллектуальной игрой: реактивы, измерения, расчёты, спор о концентрации. Но сейчас препарат лежал у неё на ладони, а через несколько минут должен был оказаться рядом с живым человеком. Эта граница ощущалась намного отчётливее, чем она ожидала.

— Последний шанс отказаться, — сказала Соня.

Лера схватила с кровати маленькую сумку.

— Отказывайся. Мы потом расскажем тебе результаты.

— Я иду именно потому, что не доверяю вам обеим.

— Вот за это мы тебя и любим.

Соня посмотрела на неё так, будто любовь в данный момент была последним словом, которое стоило употреблять.

Алиса убрала флакон во внутренний карман куртки.

— Никакой самодеятельности. Только одна микродоза. Если что-то покажется странным — сразу прекращаем.

— Командир, — сказала Лера и шутливо отдала честь.

Но когда они вышли из комнаты, первой дверь на ключ заперла именно Соня.

Вечеринка проходила в двухкомнатной квартире недалеко от университета. Её снимали трое студентов экономического факультета, поэтому квартира давно стала почти официальной территорией пятничных сборищ. Здесь всегда было тесно, шумно и жарко. На кухне спорили о политике и преподавателях, в большой комнате танцевали, на балконе курили, а в маленькой спальне обычно происходило то, о чём на следующий день никто не хотел говорить вслух.

Лера вошла первой.

Она мгновенно изменилась — как будто общежитская комната, конспекты и лабораторный халат остались где-то далеко. Она смеялась, легко касалась знакомых за плечо, отвечала на комплименты и уже через пять минут оказалась в центре компании.

Соня держалась возле стены.

Алиса наблюдала за людьми и чувствовала, как в груди неприятно ускоряется пульс.

— Он здесь, — тихо сказала Лера.

Сергей Поляков стоял возле окна с бутылкой пива и разговаривал с двумя парнями. На нём была чёрная футболка, подчёркивающая плечи, и часы, которые он любил демонстративно поправлять во время разговора. Рядом крутилась

девушка с медицинского факультета, явно пытавшаяся удерживать его внимание.

Сергей заметил Леру.

Кивнул.

И снова повернулся к собеседнику.

Лера прищурилась.

— Вот именно за это.

— Мы можем уйти, — сказала Соня.

— Уже нет.

Алиса достала из сумки маленький атомайзер. Вечером они специально перелили часть раствора в крошечный флакон с распылителем. По расчётам, одной едва заметной капли на запястье Леры должно было хватить для самого слабого контакта.

— Только на себя, — напомнила Алиса. — Не в напиток. Не на него. Никаких прямых доз.

Лера вытянула руку.

Алиса нажала на распылитель один раз.

Запах почти не было. Только тонкая сладковато-горькая нота, которая через секунду смешалась с духами Леры.

Соня смотрела на них с таким выражением, будто уже мысленно писала объяснительную декану.

— И что дальше? — спросила она.

— Ничего, — сказала Алиса. — Она подойдёт, поговорит и вернётся.

Лера усмехнулась.

— Как скучно вы представляете науку.

И пошла к Сергею.

Алиса видела всё почти идеально.

Лера остановилась рядом, сказала что-то. Сергей повернул голову. Сначала его лицо осталось равнодушным. Он ответил коротко, затем снова посмотрел на собеседника.

Лера не ушла.

Она наклонилась ближе, чтобы перекрыть музыку.

Сергей снова посмотрел на неё.

На этот раз дольше.

Алиса невольно задержала дыхание.

Прошла минута.

Потом ещё одна.

Сергей уже полностью развернулся к Лере.

Парень, с которым он разговаривал, что-то сказал ему, но Сергей не ответил. Он смотрел только на неё.

— Это может ничего не значить, — быстро сказала Соня.

— Конечно, — ответила Алиса.

Но у неё похолодели пальцы.

Лера рассмеялась и убрала прядь волос за ухо. Сергей наклонился к ней ближе. Теперь говорил он. Долго. Что-то объяснял, улыбался, снова говорил.

Через несколько минут он забрал у Леры пустой стакан и сам пошёл на кухню за напитком.

Соня резко повернулась к Алисе.

— Он бы мог сделать это и без препарата.

— Мог.

— Он выпил.

— Вижу.

— Значит, выводов делать нельзя.

— Я пока никаких выводов не делаю.

Это была неправда.

Алиса уже делала их один за другим.

Сергей вернулся с двумя стаканами. Отдал один Лере, второй оставил себе. Когда кто-то из знакомых попытался вовлечь его в разговор, он отмахнулся. Через десять минут они уже сидели рядом на подоконнике. Через пятнадцать он снял с себя лёгкую рубашку и набросил Лере на плечи, хотя в комнате было душно.

— Ты это видишь? — прошептала Алиса.

— Вижу человека, который флиртует с красивой девушкой, — сказала Соня.

— Полчаса назад он её едва поприветствовал.

Соня ничего не ответила.

В какой-то момент Лера посмотрела через плечо на подруг. В её глазах горело торжество.

Алиса сразу поняла: ей нравится не Сергей.

Ей нравится власть над происходящим.

И это почему-то испугало сильнее всего.

Через час эксперимент следовало закончить.

Именно так они договаривались.

Но Сергей не собирался отпускать Леру.

Когда она сказала, что хочет вернуться к подругам, он пошёл вместе с ней.

— Алиса, Соня, — произнёс он, будто они вдруг стали его ближайшими знакомыми. — Вы же никуда не торопитесь?

— Мы вообще-то собирались домой, — сказала Соня.

— Рано ещё.

Он говорил с ней, но смотрел на Леру.

— Может, поедem потом куда-нибудь? Я знаю одно место. Там до утра работает кухня.

Лера едва скрывала улыбку.

— Ты никогда не приглашал меня ужинать.

Сергей нахмурился, словно это обстоятельство искренне его удивило.

— Значит, был идиотом.

Соня поперхнулась минеральной водой.

Алиса почувствовала неприятный холод вдоль позвоночника.

Слова были слишком точными.

Не просто заинтересованность. Не обычный флирт.

Будто за короткое время Сергей сам успел придумать прошлое, в котором давно должен был обратить внимание на Леру, и теперь пытался исправить собственную ошибку.

— Я хочу поговорить с вами, — тихо сказала Алиса подругам.

Она почти силой увела их в коридор.

— Всё, эксперимент закончен.

— Почему? — спросила Лера.

— Потому что эффект есть.

Лера расплылась в улыбке.

— Наконец-то.

— Лер, это не повод радоваться.

— Алиса, ты сама его создала.

— Именно поэтому я говорю: хватит.

Соня сложила руки на груди.

— Она права.

Лера раздражённо выдохнула.

— Что вы хотите от меня? Он со мной разговаривает. Не бьётся головой о стену, не предлагает пожениться, не отдаёт ключи от квартиры. Просто разговаривает.

— Он изменился слишком быстро, — сказала Алиса.

— Может, наконец-то разглядел меня.

— За двадцать минут?

— Мужчины иногда долго думают.

Соня закатила глаза.

— Мы уходим.

— И что я ему скажу?

— Правду, — ответила Соня. — Что хочешь домой.

Лера несколько секунд смотрела на подруг, потом пожала плечами.

— Ладно.

Она вернулась в комнату.

Через минуту они увидели, как изменилось лицо Сергея.

Сначала удивление.

Потом раздражение.

Потом почти обида.

Он сказал что-то Лере. Она ответила. Он взял её за локоть.

Соня сразу шагнула вперёд.

Но Лера высвободила руку сама.

Сергей замер, будто испугался собственного жеста.

И отпустил её.

Через несколько минут девушки уже спускались по лестнице.

— Видели? — спросила Соня. — Вот это уже ненормально.

— Он просто не хотел, чтобы я уходила.

— Он схватил тебя.

— И сразу отпустил.

Алиса молчала.

На улице было прохладно. После душной квартиры воздух казался особенно резким. Они шли к общежитию пешком, и Лера всё время поглядывала на телефон.

Сообщение пришло через семь минут.

«Ты куда пропала?»

Через две минуты второе.

«Давай увидимся завтра».

Потом третье.

«Я серьёзно. Хочь тебя увидеть».

Лера показала экран подругам.

— Контрольная группа впечатлена.

— Не отвечай сегодня, — сказала Алиса.

— Почему?

— Посмотрим, что будет утром.

Лера хотела возразить, но Соня поддержала Алису.

— Хотя бы это сделай нормально.

Лера убрала телефон.

— Хорошо. До утра я дисциплинированный учёный.

Но уже у входа в общежитие телефон снова завибрировал.

На экране было ещё одно сообщение:

«Лера, ты мне очень нравишься. Не знаю, почему раньше этого не понимал».

Все трое остановились.

На этот раз Лера не пошутила.

Утром Алису разбудил стук в дверь.

Она открыла глаза и несколько секунд не понимала, где находится. Голова была тяжёлая, в комнате стоял серый утренний свет. Соня спала, отвернувшись к стене. Лерина кровать была пуста.

Стук повторился.

— Кто там? — хрипло спросила Алиса.

— Доставка.

Она накинула халат и открыла дверь.

В коридоре стоял парень с огромным букетом белых роз. Настолько большим, что за ним почти не было видно его лица.

— Менделевой Валерии?

Алиса несколько секунд смотрела на цветы.

— Здесь.

— Распишитесь.

Она поставила подпись и внесла букет в комнату.

Соня уже сидела на кровати.

— Что это?

— Похоже, результаты эксперимента.

На шум из душевой вышла Лера с мокрыми волосами, завернувшись в полотенце.

Увидев розы, она остановилась.

— Это мне?

Алиса молча протянула ей маленькую карточку.

Лера прочитала.

Улыбка появилась медленно.

— Ну?

— Что там? — спросила Соня.

Лера повернула карточку.

На ней было написано всего две строки:

«Я всю ночь думал о тебе.

Сергей».

В комнате стало тихо.

Алиса подошла к столу и достала из сумки блокнот, куда записывала все параметры вчерашнего опыта.

Время нанесения.

Примерная продолжительность контакта.

Количество раствора.

Поведение испытуемого.

Она взяла ручку, но не стала писать.

— Что? — спросила Лера.

Алиса смотрела на букет.

— Вчера я думала, что мы проверяем, работает ли состав.

— И?

Она подняла глаза.

— Теперь я хочу понять, как долго он работает.

Соня резко встала.

— Нет.

Алиса посмотрела на неё.

— Что — нет?

— Я знаю этот взгляд. Ты уже думаешь о следующем опыте.

Лера засмеялась.

— Конечно, думает. Потому что у нас получилось.

Соня подошла к столу и положила ладонь поверх блокнота Алисы.

— Нет, Лера. У нас не «получилось». Мы воздействовали на человека веществом, природу которого до конца не понимаем. Это разные вещи.

— Он жив, здоров и прислал цветы.

— Пока.

Одно короткое слово изменило выражение лица Леры.

Алиса посмотрела на флакон, лежавший в закрытом ящике стола.

Вчера он казался ей доказательством таланта.

Сегодня — дверью.

Она ещё не знала, куда эта дверь ведёт.

Но теперь точно знала другое.

Она открывается.

В этот момент телефон Леры снова зазвонил.

Сергей.

Лера посмотрела на экран.

Отклонила вызов.

Через несколько секунд он позвонил снова.

Потом ещё раз.

Соня молча посмотрела на Алису.

Алиса больше не улыбалась.

Первый эксперимент оказался успешным.

И именно поэтому впервые стало по-настоящему страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.